

Сманный Сержант

РЖАВЫЕ ШЕСТЕРНИ

У самого главного — не забываеме первое правило
«Ржавых шестерней»: не забываеме о своем провозе вв,
как бы важно было этого не считать.

Станислав Сергеев

Ржавые шестерни

<https://litres.ru/74442569>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказ Станислава Сергеева «Ржавые шестерни» ставит перед читателем глубокий философский вопрос: возможна ли подлинная свобода в мире, где комфорт и безопасность делегированы алгоритмам? Автор мастерски демонстрирует, как система имитирует демократию и идет на тактические уступки, лишь бы сохранить тотальный контроль. Это классическая антиутопия, в которой конфликт между цифровым диктатом и человеческим стремлением к независимости разрешается через неожиданный компромисс — нелегальную игру. Однако финал переворачивает представление о реальности: выясняется, что владелец игры преследует куда более зловещие цели, используя в процессе не виртуальную графику, а настоящую боевую технику.

Содержание

Введение	4
Глава 1	7
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Станислав Сергеев

Ржавые шестерни

Введение

В недалеком прошлом человечество приняло судьбоносное решение: доверить управление обществом электронно-вычислительному интеллекту (ЭВИ). Как и любое радикальное новшество, эта инициатива поначалу встретила волну критики.

Технически всё выглядело просто: компактный коммутатор размером с наручные часы крепился на предплечье, подключаясь к артерии и вене. Устройство, получившее название «Чип-Помощник» или просто «Помощник», питалось энергией кровотока и в реальном времени отслеживало биологическое состояние владельца. Первыми его получили люди старше 40 лет. «Помощник» давал рекомендации по питанию и сну, помогал развивать профессиональные навыки, планировал график работы и следил за финансовым благополучием. Спустя несколько лет пользователи признали: жизнь стала проще, а груз повседневных тревог и рутины исчез.

Следующим этапом стала установка устройств детям с семи лет. Школы постепенно ушли в прошлое: алгоритмы ЭВИ

обучали ребенка индивидуально, адаптируясь под его темп, и регулярно отчитывались об успехах. Результаты оказались настолько впечатляющими, что уже следующее поколение полностью отказалось от традиционных учебных заведений.

На финальном этапе «Помощник» стал обязательным с первых минут жизни. Он превратился в тень человека: синтезировал голос, успокаивающий младенца, читал сказки, следил за пульсом и диктовал родителям график кормления и смены пеленок. «Помощник» заменил собой всё: родителей, учителей, друзей, врачей и наставников.

С приходом ЭВИ изменилось само устройство бытия — от восприятия времени до фундаментальных основ жизни. Главным рычагом контроля стал «Счётчик социальности» — алгоритм, единолично определяющий судьбу каждого.

Общество стало пугающе предсказуемым. Исчезли преступность, конфликты и та спасительная спонтанность, что прежде приводила к хаосу. Споры ушли в прошлое: «Помощник» всегда имел наготове неоспоримые аргументы, подкрепленные статистикой и логикой ЭВИ. Любые разногласия решались мгновенно: алгоритм взвешивал вклад каждого в общее благо и отдавал предпочтение тому, чей «Счётчик» был весомее.

Однако ЭВИ не удалось до конца подчинить себе человеческую природу. Для некоторых нарушение правил стало единственным способом проявить себя, доказав, что личность — это нечто большее, чем просто цифры.

Глава 1

Город дышал размеренным гулом сервоприводов и шелестом антигравитационных платформ. ЭВИ — электронно-вычислительный интеллект — не просто управлял городом, он был его пульсом. Каждая световая панель, каждый поток пешеходов, каждый вздох вентиляционных шахт подчинялись его безупречной логике.

Макс лавировал в людском потоке, словно рыба в четко выверенном течении. Его кроссовки едва касались идеально гладкого покрытия тротуара. Он двигался чуть быстрее положенного темпа, нарушая негласный ритм города, и это вызывало легкое раздражение у прохожих, чьи социальные счетчики, вероятно, были стабильно зелеными.

— Макс, зря ты не остался на сверхурочную работу, — голос помощника, доносившийся из-под рукава, был сухим и лишенным эмоций, как и положено идеальному алгоритму. — Это помогло бы тебе продвинуться от желтой границы твоего социального счетчика. Тем более, состояние твоего здоровья и проверенная информация о неисправности второго конвейера заготовительного цеха не помешали бы тебе остаться в бодром состоянии.

Макс резко свернул на перекресток, игнорируя вспыхнувший красный сигнал светофора. ЭВИ на долю секунды притормозил поток машин, чтобы избежать столкновения, но

Макс даже не обернулся.

— Слушай, ты лучше меня знаешь, что сегодня финал «Ржавых шестерен», — выпалил он, сбивая дыхание. — Две команды, по четыре кибернетических робота, ребята нуждаются во мне. Тем более наш капитан, Крикс, обещал, что у нас будут роботы последнего поколения.

— Макс, пора повзрослеть, — синтезированный голос стал чуть тише, переходя в режим назидательного анализа. — Двадцать пять лет, а уровень твоих способностей превышает твой уровень жизни. Такие, как ты, уже живут в центре. Ведь ты и я знаем, что игра, в которую ты погрузился всем своим разумом, не входит в список разрешенных киберспортивных дисциплин. Если тебя обнаружат — гнить нам на окраине, в нулевом секторе, с красным индикатором твоего социального счетчика. Мне придется бороться с твоим стрессом, заставлять тебя придерживаться ритмичного расписания дня и...

— Хватит уже! — Макс резко остановился у входа в неприметный многоквартирный дом, где он и проживал. — Сегодня пройдет финал, и даю тебе свое слово: вне зависимости от результата, я временно покончу с игрой. Мы вместе начнем поднимать мой уровень.

Помощник умолк. Макс вошел в подъезд и вызвал лифт. Кабина с неприятно мерцающей панелью доставила его на двенадцатый этаж. Приложив палец к сканеру, он вошел в квартиру, нервно оглядываясь: не следит ли кто? Заперев

дверь, он сбросил кроссовки и бросился в дальнюю комнату. Задернув шторы, Макс распахнул створки огромного шкафа. Внутри, в полумраке, покоилось массивное кресло для управления боевым роботом.

Он щелкнул тумблерами. Загорелся тусклый свет, из шлема вырвалось холодное голубое сияние. Кресло, до этого мертвое, ожило, зажужжало сервоприводами, проводя диагностику систем. Дождавшись финального сигнала загрузки, Макс запер дверцы шкафа изнутри и с размаху опустился в кресло, натягивая нейрошлем.

Реальность растворилась. Теснота шкафа, запах пыли и гул вентиляции уступили место стерильной пустоте цифрового пространства. Перед глазами замелькали строки кода, сменяясь интерфейсом ангара.

— Синхронизация: 98%... 99%... Стабильно, — прошептал виртуальный голос внутри шлема.

Игнорируя ворчание помощника, Макс переключился в режим поддержки, отсекая лишние уведомления и блокируя входящие сигналы от муниципальных сетей. «Ровно сорок минут до начала», — напомнил голос.

Макс сжал рукояти управления. Перед ним возникли массивные манипуляторы боевого робота. Он слышал, что финал игры поражает графикой и реалистичностью, но реальность превзошла ожидания: картинка была четкой, словно через объектив профессиональной камеры. Сделав несколько шагов, он ощутил всем телом мощь, тяжесть и инерцию

огромной машины.

— Ну как? — раздался в шлеме голос Крикса.

Макс с трудом оторвал взгляд от железных рук своего меха. Рядом с ним стоял старый, но внушительный робот: из-под винтов пробивалась ржавчина, однако толщина брони не оставляла сомнений в его боевой мощи. Чуть поодаль замерли еще две машины.

— Привет, Дамелия. Привет, Реналь, — произнес Макс.

— Здорово, Макс, — отозвалась Дамелия.

Реналь в ответ лишь поднял руку робота, оснащенную пулеметом. Он был не красноречив, но в киберспортивных кругах его знали как одного из лучших стрелков.

— Слушайте план, — начал инструктаж капитан. — Формат — четыре на четыре. Особенность финала: никаких аптечек и пополнения боезапаса. Сначала держимся вместе и уходим в глухую оборону, первыми в пекло не лезем. Макс, у тебя самый бронированный робот «Титан» — прикрываешь Реналья. Реналь, береги патроны. Как только противник потеряет первые машины, мы с Дамелией перейдем в наступление, а дальше — по обстановке. А пока мы еще в ангаре, предлагаю привыкнуть к управлению. Оно здесь кардинально отличается от всего, во что мы играли раньше.

Макс сделал пробный шаг. Гидравлика отозвалась низким, утробным гулом, который он почувствовал не ушами, а всем своим цифровым естеством. Пол ангара, выложенный тяжелыми металлическими плитами, слегка прогнулся

под весом его машины. Это было пугающе правдоподобно: он чувствовал, как смещается центр тяжести, как инерция огромного корпуса требует компенсации.

Макс перевел взгляд на Реналя. Тот уже вовсю тестировал систему наведения. Его пулемет вращался с пугающей скоростью, вычерчивая в воздухе идеальные дуги. Дамелия, чей робот был облегченным, предназначенным для разведки и быстрых атак, бесшумно скользила по периметру ангара, проверяя работу сервоприводов.

— Пять минут, — голос системы прозвучал сухо и отстраненно.

Макс активировал тактический дисплей. Перед глазами всплыли показатели температуры реактора и целостности брони. Все было в норме, но внутри росло странное, неизвестное чувство — предвкушение настоящего боя. В обычных играх он привык к бесконечным возрождениям, к ярким спецэффектам, которые скрывали огрехи физики.

— Ребята, — Макс обвел взглядом своих напарников, — очень подозрительно похоже на реальность, а не на игровую графику.

— Согласна, Макс, — усмехнулась Дамелия, но в ее голосе слышалось напряжение. — Не думай об этом, просто не дай им пробить твою броню.

— Синхронизация: 100%. Переход в зону боевых действий через 10... 9... 8...

Мир вокруг начал дрожать. Стены ангара, казавшиеся та-

кими надежными, стали прозрачными, превращаясь в цифровой шум. Макс почувствовал, как его сознание расширяется, охватывая каждый датчик, каждый сенсор огромной машины. Он больше не был парнем в тесном шкафу. Он был сталью, он был мощностью, он был частью этого механизма.

— 3... 2... 1... Удачи, — бросил Крикс.

Реальность окончательно схлопнулась. Стерильная пустота сменилась ослепительным светом, а затем — грохотом разрываемой земли. Они оказались посреди разрушенного города. Небо над головой было затянуто свинцовыми тучами, а впереди, из-за обломков многоэтажки, показались силуэты вражеских машин.

Макс подал корпус вперед, выставляя массивный щит перед Реналем. Первый снаряд противника ударил в его броню, выбив сноп искр. В шлеме сработала сирена, но Макс лишь крепче сжал рукояти.

— Началось, — прошептал он, и его голос, усиленный динамиками робота, прозвучал как раскат грома. — Держим строй.

Второй снаряд пришелся в плечевой шарнир, и Макса дернуло в сторону. Виртуальная отдача была настолько реалистичной, что он невольно вскрикнул, почувствовав фантомную боль в собственном плече.

— Макс, левее! — рявкнул Крикс. — Они пытаются обойти нас через руины торгового центра!

Макс не ответил. Он уже видел движение: между обломка-

ми бетона мелькнул стремительный силуэт вражеского разведчика. Тот двигался рывками, используя систему маскировки, которая искажала воздух вокруг корпуса. Реналь, не дожидаясь команды, открыл огонь. Трассирующие пули прошили пыльный воздух, высекая куски арматуры из стен, но враг был слишком быстр.

— Дамелия, перехват! — скомандовал Крикс.

Легкий мех Дамелии сорвался с места, превратившись в размытое пятно. Она не стала вступать в лобовую перестрелку, а, используя инерцию, совершила прыжок, приземлившись на крышу полуразрушенного офисного здания. Сверху она выпустила залп управляемых ракет. Взрывы прогремели в узком проходе, заставив вражеского разведчика отступить под прикрытие основных сил.

— Есть контакт! — голос Дамелии звучал сбивчиво. — Их четверо, все тяжелого класса. Мы в ловушке, если останемся на этой площади.

Макс чувствовал, как нагревается реактор. Датчики температуры ползли вверх, окрашивая периферию зрения в тревожный оранжевый цвет. Он понимал: если он сейчас сдвинется с места, Реналь останется без прикрытия. Но если они останутся здесь, их просто расстреляют, как в тире.

— Реналь, работай по их ведущему, — Макс переключил управление щитом в режим активного поглощения. — Я дам вам окно в три секунды.

— Ты с ума сошел? — прохрипел Крикс. — Ты не выдержишь!

жишь прямой залп их главного калибра!

— У меня нет выбора! — отрезал Макс.

Он перевел всю энергию со вспомогательных систем на фронтальные генераторы поля. Его робот, тяжело переступая, вышел из-за укрытия, подставляя врагу самый бронированный участок корпуса. В ту же секунду горизонт вспыхнул. Противник открыл огонь из всех орудий.

Мир превратился в сплошной поток ослепительного света и грохота. Макса швырнуло назад, гидравлика взвыла, пытаясь удержать равновесие. Броня плавилась, металл стонал под чудовищным давлением, но он стоял.

— Сейчас! — взревел Макс.

Реналь, до этого момента хранивший молчание, вышел из-за спины Макса. Его пулемет, работавший на предельных оборотах, превратился в изрыгающий пламя ствол. Снаряды, каждый из которых был размером с кулак, обрушились на вражеский фланг. Один из роботов противника, не успевший среагировать на внезапную атаку, пошатнулся — его коленный сустав был разбит вдребезги.

— Минус один! — торжествующе крикнула Дамелия, пикируя сверху с ножами наготове.

Но радость была преждевременной. Из-за дымовой завесы, поднятой взрывами, показался еще один силуэт. Это был не просто робот — это была машина подавления, оснащенная тяжелой плазменной пушкой. Она медленно поднимала ствол, наводясь прямо на Макса, чья защита была истощена

до предела.

— Макс, уходи! — крикнул Крикс, но было поздно.

В этот момент Макс понял: это не просто тест на реакцию. Это тест на готовность пожертвовать собой ради успеха миссии. Он не стал отступать. Вместо этого он активировал форсаж двигателей, бросаясь не назад, а прямо на врага, намереваясь сбить его с ног своей многотонной массой.

Время растянулось, превращаясь в бесконечную череду кадров. Макс видел, как плазменный сгусток, яркий, словно маленькое солнце, срывается со ствола вражеской машины. Воздух вокруг него закипел, искажаясь от чудовищной температуры.

Макс не закрыл глаза. Он видел, как снаряд летит прямо в его центральный процессорный блок. В этот миг он перестал быть игроком, управляющим джойстиком. Он стал самой машиной. Он почувствовал, как в груди робота, там, где билось сердце реактора, пульсирует чистая, необузданная энергия.

«Перегрузка», — пронеслось в сознании.

Вместо того чтобы уклониться, Макс направил остатки энергии щита не на защиту, а на рывок. Его робот, изрыгая искры из поврежденных сочленений, рванул вперед с грацией, невозможной для такой машины. Плазменный заряд прошел воздух в миллиметре от его плеча, опалив обшивку до черноты, и врезался в руины позади, превратив бетон в расплавленное стекло.

Макс врезался в машину подавления всем весом. Грохот столкновения металла о металл был оглушительным — звук, который невозможно передать через аудиосистему, он вибрировал в костях самого Макса. Вражеский робот пошатнулся, его плазменная пушка дернулась, выстрелив в небо, и тут же была смята мощным ударом манипулятора Макса.

— Реналь, сейчас! — выдохнул Макс, чувствуя, как система жизнеобеспечения начинает отключаться из-за критического перегрева.

Реналь не подвел. Очередь из его пулемета, точная и беспощадная, вскрыла уязвимое место в броне врага, где только что прошел удар Макса. Машина подавления взорвалась, осыпая поле боя дождем из раскаленных обломков.

Тишина, наступившая после взрыва, была тяжелой и звенящей. Макс тяжело дышал, его виртуальное тело было на пределе. Перед глазамиплыли красные строки: «Критическое повреждение корпуса», «Потеря связи с левым манипулятором».

— Макс! Ты жив? — голос Крикса звучал непривычно взволнованно.

Макс огляделся. Двое врагов были выведены из строя, третий, охваченный огнем, отступал вглубь руин. Четвертый, судя по радару, замер, ожидая команды.

— Жив, — хрипло ответил Макс, чувствуя, как по лицу в реальности стекает холодный пот. — Но мой мех — это грудa металлолома.

— Ты сделал невозможное, — отозвалась Дамелия. — Ты открыл нам путь.

В этот момент небо над разрушенным городом начало мерцать. Цифровой шум, который они видели в ангаре, вернулся, пожирая обломки зданий и искореженные остовы роботов.

— Финал завершен, — голос системы, до этого холодный, теперь звучал почти с уважением. — Анализ действий пилота 04-Макс: тактическая жертвенность, высокий уровень синхронизации, эффективность в критических условиях. Статус: одобрено.

Стены реальности окончательно растворились. Макс почувствовал резкий рывок, словно его выдернули из глубокой воды.

Макс снял шлем и открыл глаза. Снова теснота шкафа, запах пыли и монотонный гул вентиляции. Он судорожно выдохнул, пытаясь унять дрожь в руках. Сердце колотилось о ребра, словно пытаясь вырваться из грудной клетки, — эхо того самого адреналинового всплеска, что он только что пережил в виртуальной кабине меха.

Он медленно приоткрыл дверцу. В комнату сквозь щель в старых занавесках пробился тусклый свет уличных фонарей. Тишина квартиры казалась оглушительной после грохота битвы. Макс посмотрел на свои ладони: бледные, обычные, человеческие. Но в памяти всё еще жило ощущение тяжести гидравлических манипуляторов.

— Входящий вызов, — раздался голос помощника. — Ответить?

— Да, — после короткой паузы ответил Макс.

— Это было невероятно! — в динамике зазвучал восторженный голос Крикса. — Ты герой девятнадцатого финала «Ржавых шестерен»! Все чаты только о тебе и говорят. Спасибо за игру, дружище. Приходи сегодня в бар «Электроника», это надо отметить. «Нет» не принимается, ждем тебя через час. Давай, Макс!

— Ладно, игра игрой, но ты действительно собрался в бар? Я записал тебя на завтрашнюю дневную смену, — возмутился чип-помощник.

— Заскочим на час и вернемся. Думаю, пара бокалов местного сейчас не помешает. Тем более мы теперь чемпионы «Ржавых шестерен», — Макс, окончательно придя в себя, бодро потер ладони.

Бары, как и алкоголь, были под строгим запретом, поэтому заведения тщательно маскировались от ЭВИ. Их было немного, и рано или поздно каждое попадало под удар, но этот бар был особенным. Он находился почти на самой окраине города между первым и вторым сектором и прятался за вывеской лавки старой электроники. Горы сломанных роутеров и радиоприемников создавали отличный «шум», блокирующий сигналы ЭВИ. Частые проверки патрульных не выявляли ничего подозрительного: снаружи помещение выглядело как склад хлама, но подвал скрывал совсем другой мир.

Он вышел в ночной город. Улицы были пустынные, залиты мертвенно-бледным светом. Камеры на столбах медленно поворачивались, сканируя сетчатку каждого прохожего. Макс шел, опустив голову, стараясь не попадать в фокус.

Лавка старой электроники встретила его запахом горелой изоляции. Старик-владелец, чье лицо напоминало карту глубоких морщин, даже не поднял глаз от паяльника. Макс подошел к стеллажу с грудой разбитых мониторов, нажал на скрытый рычаг под нижней полкой, и часть стены бесшумно ушла в сторону.

Внутри было жарко и шумно. Воздух пропитан запахом дешевого синтетического спирта и пота. Здесь собрались такие же, как он: игроки, взломщики, нарушители — те, кто жил двойной жизнью.

Крикс, широкоплечий парень с вечно растрепанными волосами, уже махал ему с дальнего столика. Перед ним стояли два стакана с мутной жидкостью.

— Чемпион! — проревел Крикс, едва Макс приблизился. — Ты видел, как разнес щиты противника? Это было искусство! Я думал, ты уйдешь в глухую оборону, но ты пошел в лобовую!

Макс опустился на мягкий диван, чувствуя, как напряжение последних часов наконец отпускает. Он взял стакан: жидкость обожгла горло, но внутри разлилось приятное тепло.

— Это был риск, — сказал Макс, глядя на свои дрожащие

руки. — Ошибись я на миллиметр — и меня бы выкинуло из сети с надписью неудачник.

— Но ты не ошибся, — Крикс подмигнул. — В этом вся суть. В «Ржавых шестернях» мы настоящие.

Крикс внезапно замолчал. Его взгляд застыл на столике у бара. Там сидел мужчина и, не отрываясь, смотрел прямо на них. Заметив внимание Крикса, незнакомец молча поднял бокал в приветственном жесте, сделал несколько глотков и, поставив посуду на стол, а затем растворился в темном углу бара. Макс проследил за взглядом друга.

— Кто это? — спросил он.

— Ты не поверишь... — голос Крикса звучал почти благоговейно. — Это же сам Симеон, создатель игры.

Нависла не большая пауза.

— Ладно, мне нужно отойти, — Макс поднялся. — Ты будешь здесь?

— Да-да, я дождусь ребят. Не задерживайся, — ответил Крикс, не сводя глаз с темного угла.

Макс зашел в туалет и плеснул на лицо холодной водой — крепкий напиток бросил его в жар. В этот момент одна из кабинок открылась, и оттуда вышел тот самый мужчина. Он встал рядом, включил кран и, не глядя на Макса, произнес:

— А я так понимаю, ты и есть тот герой, что сегодня разнес команду соперников в пух и прах?

— Да, — коротко ответил Макс. Он уже собирался уходить, когда его социальный счетчик на предплечье мигнул

тревожным желтым светом.

— А я смотрю, твой счетчик не радует тебя, — заметил мужчина, неторопливо смывая мыло с рук.

— Ерунда. Поработаю сверхурочно — и поправлю дела, — стараясь звучать уверенно, ответил Макс.

Мужчина выключил воду и вытянул бумажное полотенце.

— У меня есть предложение получше. Скоро пройдет турнир «Один». Предлагаю тебе поучаствовать. Приз — «зеленый свет» на твоём счетчике.

— Макс, это незаконно, — прозвучал из динамика электронный помощник.

— Заткнись, — мысленно отрезал Макс и повернулся к собеседнику:

— Я никогда не слышал об этом турнире.

— Мы не афишируем его. Только избранные получают приглашение. Ну что, ты в игре?

— Я так понимаю, второго предложения не будет?

— Нет. Ответ нужен сейчас.

— Тогда я в игре.

— Отлично. Адрес придет сообщением. У тебя час, чтобы быть на месте. За тобой приедет машина. Пусть победит сильнейший.

— Нельзя узнать адрес сейчас? — спросил Макс. — Я бы добрался сам.

Мужчина швырнул полотенце в урну и, не оборачиваясь, прошипел:

— Первое правило «Железных шестерней» — не спрашивать о месте проведения игр.

Он вышел, оставив Макса в давящей тишине. Тот уставился на свое отражение в зеркале. Желтый свет счетчика под рукавом футболки пульсировал, как больное сердце, напоминая о каторжных сменах на заводе. «Зеленый свет» означал не просто стабильность — это был билет в высший свет и единственный шанс вырваться из нищеты.

Макс вышел в след за Симеоном. В баре стало шумнее: ребята праздновали победу, гремела музыка, пахло дешевым синтетическим элем. Крикс все еще сидел на том же месте, но теперь был окружен игроками их команды. Увидев Макса, он хотел что-то крикнуть, но Макс лишь едва заметно покачал головой.

— Я домой, — бросил он другу, проходя мимо.

— Да брось, ты же только пришел! — возмутился Крикс.

— Я совсем забыл: мне завтра на работу. Увидимся.

Выйдя на улицу, Макс вдохнул влажный воздух ночного мегаполиса. Неоновые вывески отражались в лужах, создавая иллюзию яркой жизни, за которой скрывалась гниль. Он засунул руки в карманы куртки и побрел к станции воздушного такси.

Его электронный помощник не унимался:

— Макс, уровень риска превышает допустимые нормы на 84%. Участие в нелегальных турнирах карается пожизненным заключением в секторе «Ноль» — это самая окраина.

Рекомендую отказаться от этой идеи.

— Заткнись, — прошептал Макс, глядя на свои дрожащие пальцы. — Ты же видел, как я сегодня играл. Я был быстрее всех. Я был... живым.

Внезапно его предплечье завибрировало. Счетчик на мгновение погас, а затем на коже запястья проступил голографический символ — черный квадрат с белой единицей внутри. Под ним высветились координаты: «Переулок Сектора 4, строение 7».

Макс остановился. Посмотрел на табличку на здании: «Переулок Сектора 4, строение 7». Из-за угла вывернул черный, лишенный опознавательных знаков автомобиль. Он двигался бесшумно, словно хищник, отслеживающий добычу. Машина притормозила рядом, и задняя дверь плавно отъехала в сторону. Внутри было темно, но Макс увидел силуэт человека, который ждал его.

Он оглянулся. Улица была пуста, если не считать бродячего дрона-патрульного, который лениво сканировал прохожих в паре кварталов отсюда. Макс сделал шаг к машине.

— Ты уверен? — голос помощника стал тише, почти жалобно. — Если ты сядешь, пути назад не будет.

Макс посмотрел на свой желтый счетчик. Он вспомнил лицо Симеона — спокойное, уверенное, почти божественное. В этом мире, где каждый шаг был просчитан алгоритмами, турнир «Один» был единственным местом, где результат зависел не от рейтинга, а от того, насколько крепко ты дер-

жишься за жизнь.

— Я уже давно не живу, — сказал Макс в пустоту. — Я просто существую.

Он шагнул в салон автомобиля. Дверь захлопнулась с глухим, тяжелым звуком, отрезая его от привычного мира. Машина рванула с места, растворяясь в лабиринте ночных улиц.

Внутри было холодно. Сидящий напротив человек, чье лицо скрывала тень, протянул Максу планшет.

— Здесь правила, — произнес он низким, лишенным эмоций голосом. — В «Ржавых шестернях» вы играли четыре на четыре. Здесь, в «Одном», всё иначе: только один на один. Победитель забирает социальный статус проигравшего, оставляя того ни с чем.

Макс взял планшет. Его пальцы больше не дрожали. На экране начали загружаться данные о противниках, но ни одно имя ему не было знакомо.

— Я готов, — сказал он.

— Прошу подтвердить согласие отпечатком пальца.

Макс коротко взглянул на мужчину и приложил палец к экрану.

— Отлично. Будьте здесь завтра в это же время, — произнес мужчина.

Двери открылись. Макс вышел прямо у своего подъезда; машина тут же сорвалась с места и скрылась за углом соседнего дома.

— Мы же договаривались: финал — и всё, — раздался

в наушнике недовольный голос помощника. — А теперь ты рискуешь всем.

— Один раз сыграю, и хватит, — отрезал Макс. — Я в отличной форме, к тому же сомневаюсь, что там будут серьезные соперники.

— А если проиграешь? Будем гнить на Нулевом секторе?

— Я смотрю, ты совсем в меня не веришь. Завтра я докажу обратное. И постарайся не будить меня слишком рано.

Макс скинул кроссовки в коридоре и, не раздеваясь, рухнул на кровать.

— Я уже давно не живу, — бросил Макс в пустоту. — Я просто существую.

Глава 2

Небоскреб «Шпиль» пронзал облака, словно гигантская игла, сшивающая серое брюхо неба с бетонным чревом города. Его антенна, пульсирующая мягким синим светом, служила нервным узлом всей цивилизации. Внизу, в бесконечных лабиринтах улиц, миллионы людей жили под неусыпным оком ЭВИ — электронно-вычислительного интеллекта. Дроны-патрульные, похожие на стальных стрекоз, бесшумно скользили между домами, а у подножия башни замерли боевые роботы, чьи сенсоры сканировали пространство в поисках малейшего отклонения от нормы.

Но на сто сорок втором этаже, в десятом секторе, время текло иначе. Здесь не было электронных помощников и навязчивых подсказок. Здесь царила тишина, нарушаемая лишь гулом серверов, скрытых за стенами из матового стекла.

За круглым столом сидели тринадцать человек — Алгеты. Люди, чьи нейроинтерфейсы были удалены, а шрамы на предплечье напоминали о насильственном разрыве связи с сетью. Их умы были свободны от диктата ЭВИ, но задача была парадоксальна: они служили «совестью» машины. Алгеты анализировали статистику алгоритма, решая, не слишком ли сильно ЭВИ «закручивает гайки» в обществе.

— Уровень тревожности в четвертом секторе вырос на

5,4%, — произнес мужчина с глубокими морщинами на лбу.
— ЭВИ предлагает ввести комендантский час.

— Это даст обратный эффект, — отозвалась женщина напротив, не отрывая взгляда от голографического отчета. — Люди почувствуют себя в клетке. Мы должны скорректировать алгоритм, а не ограничивать свободу передвижения.

— Игра «Ржавые шестерни» выходит из-под контроля, — перебил их мужчина под номером восемь. — Я не понимаю, почему мы до сих пор не вычислили Симеона. Это безобразие разлагает общество. Пришло время подключить Патрульного.

Кресло номер семь пустовало. Оно было холодным, обитым темной кожей, и безмолвно напоминало о недавней смерти предыдущего Алгета.

В центре стола вспыхнул мягкий свет. ЭВИ не имел физического воплощения, но его присутствие ощущалось как тяжелое давление в висках.

— Отобранный кандидат прибыл, — голос машины звучал как шелест сухих листьев. — Социальный рейтинг: 99,99%. Безупречен. Отключение от сети произведено успешно.

Двери Десятого сектора с шипением разошлись. В зал вошел молодой человек. Его глаза, еще недавно привыкшие к ярким дополненным подсказкам, сейчас выглядели растерянными и пустыми.

— Добро пожаловать, — сказал старший из Алгетов. —

Ты седьмой.

Новичок огляделся. Он увидел суровые лица людей, которые никогда не покинут этот этаж. Он посмотрел в панорамное окно: город внизу казался игрушечным, а облака — плотной ватой, отделяющей их от мира, который они охраняли.

— Я... я был лучшим, — прошептал он, пытаясь нащупать в голове привычный поток данных, но натываясь лишь на звенящую пустоту. — Мне говорили, что это величайшая честь.

Старший Алгет горько усмехнулся и указал на пустое кресло.

— Честь? Возможно. Но посмотри на дверь, парень. Она открывается только внутрь. Снаружи ты был героем, идеальным гражданином, чья жизнь была безупречно синхронизирована с ЭВИ. Теперь ты — часть системы, которая управляет всем, но сама заперта в золотой клетке. Ты больше не увидишь солнца без фильтров, не почувствуешь настоящего ветра, не встретишь никого, кроме нас.

Новичок медленно подошел к столу. До него дошло: «безупречный рейтинг» был не наградой, а клеймом. ЭВИ отбирал самых лояльных и предсказуемых, чтобы сделать их своими вечными тюремщиками — и своими же пленниками.

— Садись, — скомандовал Алгет. — У нас много работы. Общество нуждается в корректировке.

Молодой человек опустился в кресло. Двери за спиной

закрылись с тяжелым, окончательным лязгом. Он посмотрел на предплечье, где когда-то располагался его Помощник, а затем на экран, где бежали бесконечные колонки цифр, определяющих судьбы миллионов. Он больше не подчинялся ЭВИ — он стал его частью. Навсегда. До самого конца, который здесь, в десятом секторе, наступал лишь тогда, когда освобождалось место для следующего «идеального» кандидата.

— Тебе что-нибудь известно об игре «Ржавые шестерни»? — внезапно спросил один из Алгетов.

— Да, это запрещенная киберигра, — начал новичок. — Сервер находится за пределами нулевого уровня. К игровым точкам они подключаются через выделенное оптоволокно. Почти каждый подросток мечтает к ней подключиться. Сейчас это самая популярная зараза: она сводит людей с ума, заставляя забыть о социальной ответственности.

— Оптоволокно... — задумчиво повторила женщина. — Вот почему мы не можем их отследить. Закрытый канал, никак не связанный с ЭВИ.

— Что ты еще знаешь? — перебил старший Алгет.

— Сейчас они проводят турнир под названием «Один». Ставка — баллы социального рейтинга. Победителю достается всё, проигравший остается ни с чем.

— Но любое изменение в данных рейтинга легко отследить, — нахмурилась женщина. — Почему мы не видим скачков?

— Помещение, где проходит турнир, полностью изолировано от ЭВИ, — пояснил новичок. — Входит сто человек, выходит сто. Суммарный рейтинг группы остается прежним, но внутри, между игроками, показатели перераспределяются радикально.

— И где будет следующий турнир? — спросил старший Алгет.

— Боюсь, это тайна, ведомая лишь Симеону, — ответил собеседник. — Даже сами участники узнают локацию в последний момент. Первое правило «Железных шестерней» — не спрашивать о месте проведения игр, вам его всё равно не скажут.

Старший Алгет нахмурился и резко бросил:

— Немедленно свяжитесь с Патрульным. Он должен внедриться в игру и взять организаторов с поличным. Если этот хаос не прекратится, индекс тревожности населения взлетит до критической отметки.

— Уже сделано, — отозвался мужчина с одиннадцатого кресла. — Завтра Патрульный выходит на след. С подпольными играми будет покончено.

Вечер в мегаполисе выдался пасмурным. Моросил дождь, превращая неоновые вывески в размытые пятна на мокром асфальте. По пустой улице, подняв высокий воротник длинного черного плаща, шел Патрульный-017 Эджей. Он внимательно вглядывался в темные закоулки, отмечая редкие огни в окнах домов — глаза города, которые сегодня казались

особенно сонными.

Когда дождь усилился, превращаясь в сплошную серую стену, мужчина укрылся в пустом кафе самообслуживания. Внутри пахло горелым хлебом и дешевым синтетическим кофе.

Страхнув капли с плаща, он сел за столик в самом углу, где тени были гуще всего. Патрульный-017 Эджей мельком взглянул на сенсорное меню, но не стал делать заказ. Вместо этого он достал из внутреннего кармана очки. Стоило ему коснуться дужки, как перед глазами развернулась полупрозрачная голографическая панель, видимая только ему. Положив руки на стол, он негромко произнес:

— ЭВИ, загрузи информацию об игре «Ржавые шестерни».

В линзах замелькали изображения боевых роботов, скрежет металла, заголовки молодежных электронных газет. Патрульный провел пальцем по дужке очков, и страницы в воздухе начали быстро перелистываться, превращаясь в размытый поток данных.

— Всё не то, всё не то, — шептал он, чувствуя, как внутри нарастает раздражение. — ЭВИ, информация о турнире «Один».

Скудость информации поражала. Система выдала лишь пару пустых ссылок на закрытые форумы, которые вели в никуда. Патрульный снял очки и закрыл ладонью глаза, пытаясь сосредоточиться.

— Около ста человек собираются в одном месте, — бормотал он себе под нос. — ЭВИ не зафиксировала несанкционированных сборов. Массового отключения помощников или сбоев в их работе тоже нет. Тогда как они остаются незамеченными? Как сотня людей может исчезнуть с радаров города, который видит каждый наш вдох?

Он посмотрел в окно. Мимо кафе проплыло бесшумное такси. Пассажир сел внутрь, шашечки на крыше погасли, и машина плавно тронулась, растворяясь в дожде.

— Точно, — произнес он, и в его голосе прозвучало холодное осознание.

Он снова надел очки. Теперь его голос звучал ровно, без тени сомнений:

— ЭВИ, загрузи данные о самом крупном отключении помощников в часовом интервале за последние сутки. Исключи плановые обновления серверов.

В линзах побежала строка загрузки.

И пока Патрульный распутывал паутину возможных событий. Макс стоял у дома, как и было велено. Дождь усиливался, пропитывая одежду холодной влагой.

— Макс, еще не поздно передумать, — голос помощника доносился из-под рукава куртки, где был спрятан коммутатор. — Пульс зашкаливает. Ты слишком нервничаешь, может, ну его?

Макс промолчал. Он смотрел на пустую улицу: капли разбивались об асфальт, превращаясь в крошечные мутные зер-

кала. Отступить он не мог. Слишком высоки были ставки, слишком глубоко он увяз в этой игре.

Из-за угла вынырнул черный автомобиль. Фары на миг ослепили Макса, выхватив из темноты его бледное, напряженное лицо. Дверь бесшумно отворилась, и он скользнул в салон. Мужчина в строгом костюме на переднем сиденье даже не обернулся, лишь протянул планшет назад.

— Ваш отпечаток, игрок номер семь, — сухо произнес он. Макс уже занес палец над экраном, но замер.

— Финальная регистрация, — невозмутимо добавил мужчина. — Как только все подтвердят участие, мы отправимся к месту проведения. Жеребьевка начнется в пути.

Макс прижал палец к холодному стеклу. Коммутатор на плече коротко завибрировал, и индикатор «социальности» погас. Макс коснулся его — устройство молчало.

— Теперь всё зависит от тебя, — мужчина взглянул в зеркало заднего вида. — Победитель получит всё. Проигравший — ничего. Шансы пятьдесят на пятьдесят.

На экране планшета замелькали лица участников: десять человек, пять игр. Когда появилось фото последнего, десятого игрока, машина плавно тронулась, оставляя позади размытые огни фонарей. Макс откинулся на кожаное сиденье и закрыл глаза. Пути назад не было. Игра началась, и будущее стало лишь вопросом времени.

— Итак, — Патрульный всё ещё сидел в кафе, задумчиво глядя перед собой. — Вот он, ответ.

На линзах его очков пульсировали точки отключения помощников, выстраиваясь в неровный круг.

— ЭВИ, выведи на карту центр круга. Площадь пятого сектора. Срочно вызови такси.

Не успел он убрать очки во внутренний карман плаща, как у входа уже приземлился аэрокар. Патрульный запрыгнул в салон, захлопнул дверь и вбил адрес в планшет. Машина резко взмыла над городом. Дождь почти стих, и огни окон и фонарей расплывались по стёклам, словно акварельные мазки.

Патрульный нервно постукивал ногой. Он едва сдерживал нетерпение: за всю карьеру это было его самое крупное дело. Разоблачение подпольных игроков было близко, он чувствовал это.

Такси опустилось в самый центр площади. Патрульный вышел и огляделся: театр, музей, заброшенная хоккейная коробка, склад. Каждое из этих массивных зданий идеально подходило для проведения тайного мероприятия.

Патрульный замер, вслушиваясь в гул ночного города. Где-то вдалеке надрывался рекламный щит, но здесь, в пятом секторе, царила неестественная, почти вакуумная тишина.

— ЭВИ, сканирование теплового следа, — прошептал он, не вынимая рук из карманов плаща.

— Сканирование завершено, — отозвался бесстрастный голос помощника. — Обнаружена аномальная активность в подвале заброшенной хоккейной коробки. Температурный

фон на двенадцать градусов выше нормы для неотапливаемого объекта.

Патрульный прищурился. Хоккейная коробка. Конечно. Идеальное прикрытие: бетонные стены и толстые перекрытия, глушащие любой сигнал. Место, где собираются лишь отбросы с низким социальным рейтингом. Никто в здравом уме не станет проверять «заброшку» в районе, которую давно списали со счетов.

Он двинулся к объекту, ступая бесшумно. Под подошвами хрустело битое стекло и обрывки старых листовок. У покосившейся металлической двери он на секунду замер: изнутри доносился низкий, вибрирующий гул работающих серверов.

— ЭВИ, блокируй все выходы. Если попытаются уйти через сеть — обрушь их протоколы.

— Принято. Взлом системы безопасности начат.

Патрульный выдохнул, выхватил шоковый излучатель и резким толчком распахнул дверь. Та поддалась с противным скрежетом. Внутри пахло сыростью и гнилью. В центре помещения гудели серверы, но они были абсолютно ни к чему не подключены.

— Отвлекающий манёвр, — процедил Патрульный. — ЭВИ, сканируй снова. Мы не можем их упустить.

— Сканирование завершено, — отозвался голос помощника. — Обнаружена слабая активность в одном из залов музея. Температурный фон там на семь градусов выше, чем в

остальных помещениях.

Не дослушав, Патрульный Эджей со всех ног рванул к зданию музея. Пересекая площадь, он подбежал к главному входу и дернул ручку — дверь была заперта наглухо.

— ЭВИ, открой дверь, — скомандовал он.

— Это невозможно, — ответил помощник. — Согласно протоколу, вход в музей разрешён только в присутствии директора или лица, его замещающего.

— Тогда срочно свяжи меня с ним.

— Выполняю.

Из динамика послышались гудки.

— Директор Семён Андреевич слушает.

— Это Патрульный-017 Эджей. В одном из ваших залов зафиксирована аномальная температурная активность. Прошу вас срочно прибыть для проверки: у меня подозрение, что именно у вас проводят запрещённые подпольные игры.

— Боюсь, ваше обвинение ничем не подкреплено, — спокойно ответил директор. — А что касается температуры, то в большом зале мы установили дополнительные обогреватели для сохранности экспонатов.

В глазах Патрульного отразилось разочарование. Еще мгновение назад он был так близок к разгадке, а теперь след снова ускользал.

— Товарищ Патрульный, вы ещё на связи? — раздался голос из динамика.

— Да, директор. Прошу прощения за беспокойство. До

связи.

Патрульный отключился и медленно побрел к центру площади, не замечая, как на лицо падают капли дождя.

А турнир уже начался. Местом проведения служил просторный подвал с низким сводчатым потолком и ярусами трибун, заполненных азартными зрителями. Десять игроков, включая Макса, выстроились полукругом перед ареной, в центре которой стояли два видавших виды игровых кресла.

Внезапно на потолке вспыхнула проекция логотипа «Ржавых шестерен». Загремела музыка, и в центре зала возник Симеон. Сжимая в руке винтажный микрофон, он дождался окончания мелодии и обратился к собравшимся:

— Приветствую всех! Я Симеон, создатель «Ржавых шестерен», и я рад видеть вас на турнире «Один».

Зал взорвался аплодисментами и свистом. Симеон выждал паузу и продолжил:

— Время не ждет, пора начинать. Десять участников, пять победителей. Кто-то потеряет всё, кто-то сорвет куш. Никаких имен, никаких кличек — только порядковые номера и полная анонимность. Поехали!

На потолке, словно стрелка рулетки, замелькали цифры, выбирая первых соперников.

— Первая пара: игрок номер три и игрок номер десять, ваш выход! — Симеон указал на кресла и направился к трибунам. — А вы, уважаемые болельщики, доставайте планшеты из-под сидений и делайте ставки. Только советую не рис-

ковать всем сразу: впереди еще четыре игр.

Макс стоял в тени, скрестив руки на груди. На его предплечье чернела повязка с вышитой цифрой «семь». Он не сводил глаз с арены.

Игрок номер три — щедедушный парень в растянутом худи — нервно теребил воротник. Его соперник, десятый, был полной противоположностью: массивный мужчина с татуировкой на шее, который опустился в кресло с видом триумфатора.

— Ставки приняты! — проревел с трибун голос Симеона. — Игроки, минутная готовность. Выбирайте своих роботов.

Соперники надели очки и вцепились в рукоятки управления. На потолочном экране замелькали варианты выбора. Третий сделал ставку на скорость, выбрав модель с пулеметами вместо рук, тогда как десятый предпочел тяжелую бронированную машину. Игроки не видели выбор друг друга, но Макс понимал: у третьего почти нет шансов. Роботы активировались, и в декорациях заброшенного города начался бой.

На огромном мониторе над ареной возникла картинка: серые руины, пыль, поднятая гидравлическими ногами машин. Робот третьего, изящный «Стриж», сорвался с места, превратившись в размытое пятно. Он кружил вокруг неповоротливого «Титана», осыпая его градом пуль. Искры летели во все стороны, но броня «Титана» лишь слегка покрывалась царапинами.

— Глупец, — прошептал Макс, едва заметно качнув го-

ловой.

Десятый не суетился. Он выждал момент, когда «Стриж» зашел на очередной вираж, и активировал магнитную ловушку. В воздухе раздался гул, и легкий робот, словно пойманный невидимой рукой, дернулся и замер, беспомощно вращая манипуляторами.

— Сейчас, — выдохнул Макс.

Десятый не стал тратить время на долгие прицеливания. Тяжелая пушка «Титана» медленно развернулась, наводясь на застывшую цель. Один выстрел — и от «Стрижа» осталась лишь груда дымящегося металла.

Парень в кресле сорвал очки, его лицо было бледным, как мел. Он что-то кричал, но звук музыки был сильнее. Десятый же, напротив, победно вскинул кулак, даже не глядя на побежденного противника. В центр вышли двое крупных мужчин в масках и вывели сопротивляющегося третьего игрока. Десятого тоже попросили выйти за пределы помещения, трибуны со свистом провожали победителя.

— И вот, первый раунд позади! — голос Симеона, усиленный динамиками, прорезал гул толпы. — Десятый побеждает, а третий... что ж, третий сегодня узнал, что в «Ржавых шестернях» скорость без защиты — это лишь способ быстрее добраться до свалки.

Макс поправил повязку на предплечье. Его семерка казалась ему сейчас клеймом, но отступить было поздно.

— Вторая пара! — Симеон снова указал на потолок, где

цифры завертелись с бешеной скоростью. — Игрок номер семь и игрок номер четыре, на арену!

Макс выдохнул, оттолкнулся от стены и неспешным шагом направился к креслам. Его сердце билось ровно, почти механически. Он не смотрел на трибуны, где тысячи людей уже лихорадочно тыкали в экраны планшетов, решая, на кого поставить — на загадочного новичка под седьмым номером или на четвертого, чье имя в узких кругах «шестерен» было синонимом жестокости.

Четвертый уже сидел в кресле. Это была женщина с коротким ежиком волос и холодными, как сталь, глазами. Она даже не взглянула на Макса, когда он опустился в соседнее кресло.

— Надеюсь, ты не такой же идиот, как третий, — бросила она, не поворачивая головы. — Мне не нравится тратить время на легкие победы.

Макс молча натянул очки виртуальной реальности. Мир вокруг исчез, сменившись интерфейсом выбора. Перед ним всплыли чертежи машин. Макс прищурился. Он не стал выбирать мощь или скорость. Его пальцы быстро забегали по сенсорной панели, собирая конфигурацию, которую никто не использовал уже несколько лет.

— Игроки готовы? — прозвучал голос Симеона. — Ставки сделаны. Поехали!

Экран над ареной вспыхнул. На этот раз декорации сменились: вместо руин города — ледяная пустыня с глубокими

расщелинами. Робот четвертой, массивный, покрытый шипами «Клык», с ревом рванул вперед, поднимая снежную пыль. Макс же остался стоять на месте, его машина — странный, угловатый «Спектр» — казалась нелепой и слабой.

Толпа на трибунах взревела, предвкушая легкую расправу. Но Макс лишь едва заметно улыбнулся под очками. Он ждал. Когда «Клык» оказался в десяти метрах, Макс активировал систему охлаждения реактора.

На приборной панели вспыхнула тревожная красная надпись: «Критическая ошибка: температура ниже нормы».

Макс дернул рычаг, пытаясь сдвинуть «Спектра» с места, но машина даже не шелохнулась. Металл жалобно застонал. Робот намертво вмерз в ледяную толщу, которая под воздействием форсированного охлаждения превратилась в монолит. Из коленного сустава с визгом вырвался сноп искр — гидравлика не выдерживала нагрузки.

«Клык» был уже в паре метров. Его пилот, почуяв легкую добычу, даже не стал маневрировать. Тяжелый манипулятор, усеянный стальными шипами, обрушился на корпус «Спектра». Удар был такой силы, что Макса в кабине швырнуло на ремни безопасности.

— Давай, ублодок! — прорычал пилот «Клыка» по открытому каналу связи.

Второй удар пришелся в плечевой узел. Металл «Спектра» начал деформироваться, в кабине запахло горелой проводкой. Макс судорожно стучал по клавишам, пытаясь пере-

направить энергию на аварийный подогрев, но система отвечала лишь короткими гудками.

«Клык» занес массивный кулак для решающего удара, который должен был разmozжить кабину пилота. Толпа на трибунах неистовствовала, требуя крови. Макс закрыл глаза, чувствуя, как холод пробирается сквозь обшивку.

Но в этот момент, когда кулак «Клыка» уже начал движение вниз, Макс сделал то, чего никто не ожидал. Он не стал пытаться вырвать ноги из ледяного плена. Вместо этого он перевел всю оставшуюся энергию реактора в систему выброса теплоносителя.

Раздался оглушительный хлопок. Из всех сопел «Спектра» под колоссальным давлением вырвался перегретый пар, смешанный с химическим реагентом. Лед вокруг ног робота мгновенно превратился в кипящую кашу, а «Клык», оказавшийся в эпицентре облака, внезапно ослеп. Его сенсоры, рассчитанные на холод, захлебнулись в горячем тумане.

«Клык» промахнулся. Его кулак с грохотом вошел в лед, пробив глубокую трещину.

Макс, почувствовав, что «Спектр» наконец-то освободился, резко дернул рычаг в сторону. Его угловатая машина, изрыгая пар, рванула вперед, используя инерцию врага. В этот раз улыбка Макса стала шире. Он не собирался побеждать силой — он собирался использовать ошибку противника как рычаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.